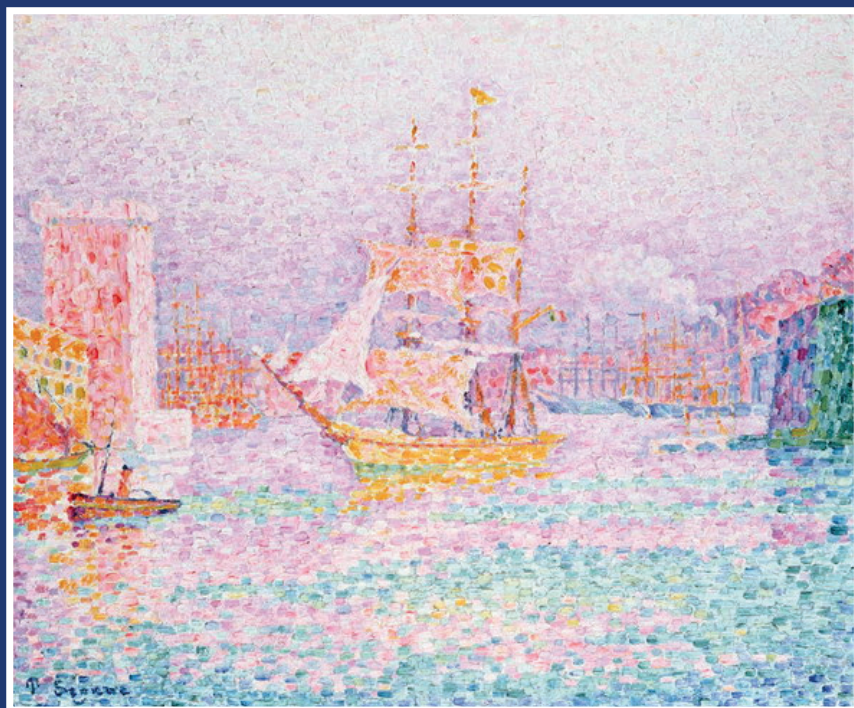

БОРИС ЛЕВИН

СТИХИ

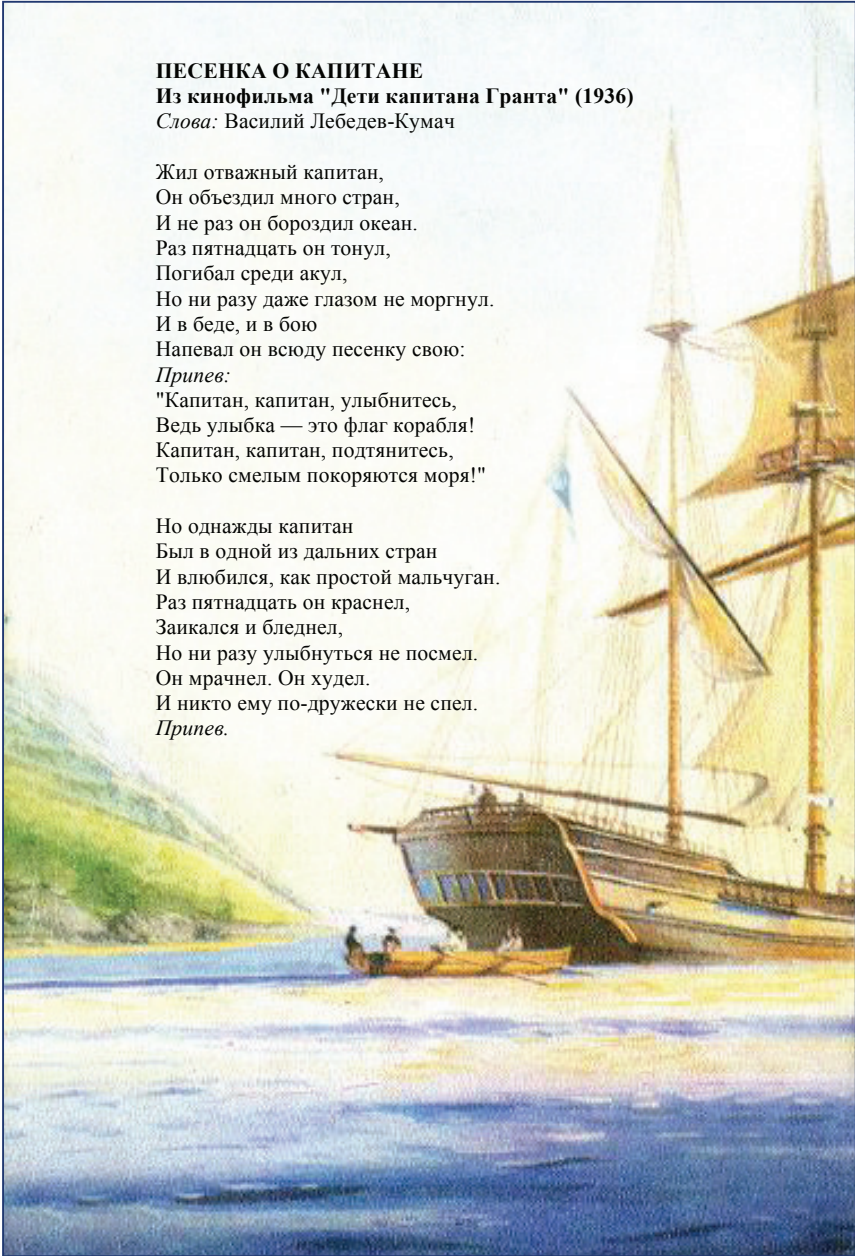
Поль Синьяк. Порт в Марселе

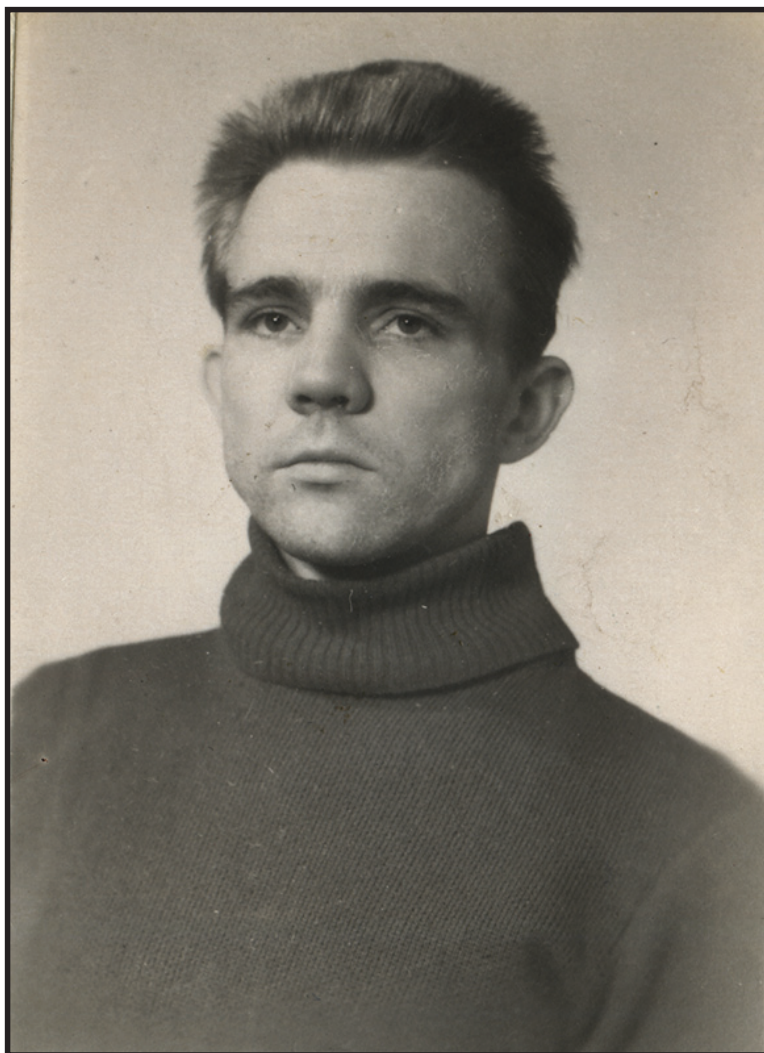
ПЕСЕНКА О КАПИТАНЕ
Из кинофильма "Дети капитана Гранта" (1936)
Слова: Василий Лебедев-Кумач

Жил отважный капитан,
Он объездил много стран,
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул,
Погибал среди акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул.
И в беде, и в бою
Напевал он всюду песенку свою:

Прпев:
"Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка — это флаг корабля!
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря!"

Но однажды капитан
Был в одной из дальних стран
И влюбился, как простой мальчуган.
Раз пятнадцать он краснел,
Заикался и бледнел,
Но ни разу улыбнуться не посмел.
Он мрачнел. Он худел.
И никто ему по-дружески не спел.
Прпев.

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ЛЕВИН

1936 – 2009

*океанолог, программист,
поэт, художник и артист*

О Б А В Т О Р Е

ЛЕВИН Борис Федорович – океанолог, программист, поэт и артист

Отец – танкист, гв.–полковник Федор Иванович Левин (1907–1990)

Мать – учительница русского языка Варвара Михайловна Чирва (1908 – 1991)

Жена: с 1964 года: *Идея Андреевна Тищенко* *Сын:* Андрей родился 6 фв. 1966

По окончании школы в 1955 году Борис был призван в Армию. Служил три года в войсках ВВС на Северном Кавказе и в Азербайджане на военном аэродроме. Там начал писать стихи (не сохранились).

После армии в 1958 поступил в **МГУ на Кафедру океанологии** Географического факультета. По окончании МГУ в 1963 году работал инженером в Государственном Океанографическом Институте (**ГОИН**) в лаборатории конструирования океанографических приборов. Зимой 1964 года ездил в экспедицию на Каспий, где велись на нефтяной платформе. Там написал «Повесть о первой любви».

В мае 1964 – женился. После рождения сына, стало ясно, что он не сможет прокормить семью на свою мизерную зарплату. Поэтому в марте 1966 года Борис уехал в **Мурманск**, где заработки были гораздо выше. Три года он работал инженер–гидрологом, старшим инженером и помощником капитана по научной части на промысловых судах (СРТ) управления «Тралового флота» и «Мурмансельди». Рейсы: в Баренцево и Норвежское моря, в Атлантику – к берегам Гренландии, к Фолклендским и Шотландским островам.

В 1969 он вернулся в Москву и поступил на работу в **Гидропроект**, в лабораторию комплексных водохозяйственных проблем. Два года проработал там в должности инженера и старшего инженера. Зарплаты на жизнь не хватало, и пришлось искать хорошо оплачиваемую работу в другой сфере деятельности.

В 1971 Борис устроился на работу Всесоюзное Научно–производственное Объединение (ВНПО) «КАСКАД» – режимное учреждение, связанное с Космосом. Он быстро освоил новую специальность – программиста на ЭВМ. Работал на подмосковных **станциях слежения** за спутниками – в Болшеве, Балабанове и Голицине, где составлялись сложные программы для математического обеспечения. В системе «КАСКАД» он проработал 26 лет, но после распада СССР началось разложение всей экономики страны, в том числе, и космической отрасли. «КАСКАД» превратился ОАО, работы для программистов не было. Ему пришлось в должности инженера работать дворником, и в 1997 году он ушёл на пенсию. К тому времени у него появился современный компьютер, и он стал (по просьбе Н. Михайловой) строить карты, схемы и таблицы к её книгам.

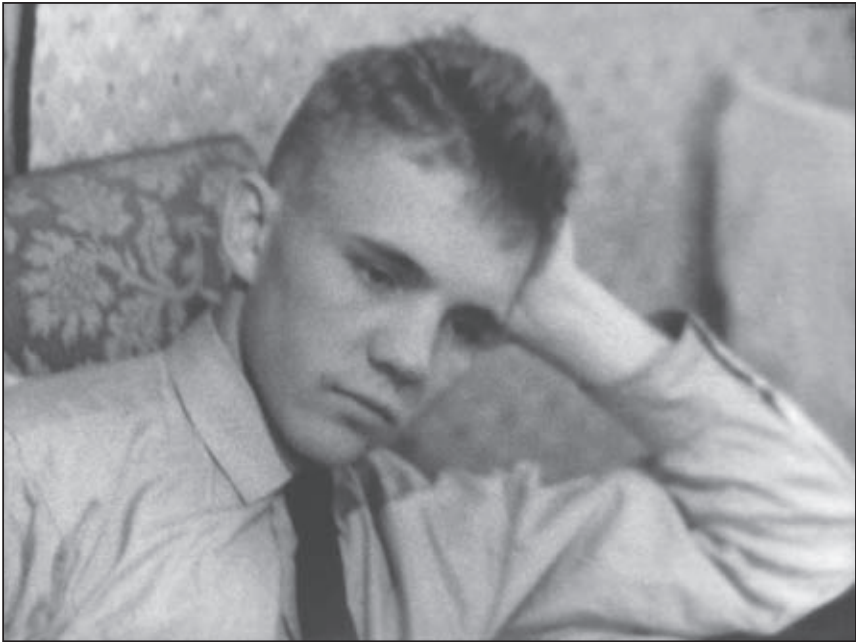
Борис умер 24 августа 2009 года. Похоронен на Шереметьевском кладбище.

Редактор и составитель: Наталья Михайлова

Подготовка к печати: Н. Михайлова и И. Пигарев

Тираж 20 экз. Напечатано в типографии Redprint.

Москва, Краснопролетарская ул. дом 8, (495) 363-9497

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

С Борисом мы познакомились на Геофаке МГУ, куда оба поступили в 1958 году, то есть 50 лет тому назад. На втором курсе я перевелась с кафедры гидрологии на кафедру океанологии, и с тех пор на всю жизнь подружилась со своими братьями–океанологами. После окончания Университета мы не расставались друг с другом, дружили семьями, знали детей, вместе собирались на праздники, а в конце 60–х годов вокруг этого «ядра» сложилось новое братство – труппа театра «Летучая мышь». Оно просуществовало 20 лет – почти до развала Советского Союза. А после этого старые друзья стали умирать один за другим – как говорил Ленья Ещенко, «снаряды падают совсем рядом». К настоящему времени из 12 моих сокурсников–океанологов в живых осталось всего 4 человека, и мы тоже скоро умрем.

Борис был мне особенно дорог, поэтому я решила издать то немногое, что он написал и что когда–то давно, в 1970–е годы, было опубликовано в нашем журнале «Летучая мышь», или сохранилось в архиве домашнего театра–кабаре, где ему было присвоено звание Народного артиста. Как редактор журнала я высоко ценила и его прозу, и его стихи, а как директор театра – его артистический талант. При этом сам он относился ко всему этому с пренебрежением, и, думаю, вряд ли одобрил бы мою затею. Но я не хоронила его, не была на его могиле. И это единственное, что я могу сделать сейчас для него. Думаю – а вдруг когда–нибудь кто–то всё же прочтет эту книжечку и подумает о нем с симпатией.

В журнале «ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ» (ЛМ) были напечатаны:
СТИХИ (Москва, 1963–1972) – «ЛМ», № 2, стр. 69–74, Октябрь 1974
МЕЛКИЕ ЗАРИСОВКИ (Мурманск. 1969) – «ЛМ» № 3, стр. 97–100. Ноябрь 1974
ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ (Каспий, 1964) – «ЛМ» № 5, стр. 31–42, Март 1975

Борис ЛЕВИН

«НАЧАЛО ВОЙНЫ И ЭВАКУАЦИЯ»

Рассказ записан со слов Бориса Н. Михайловой весной 2008 года

Отец родился в станице Тихорецкой в 1907 году в семье казака Ивана Левина. Отчего у него такая еврейская фамилия, не знаю. Про деда и его семью ничего не знаю, кроме того, что, когда началась война с Германией в 1914 году, его тотчас призвали в армию. Вскоре он попал в плен к немцам и при попытке бегства был убит в 1915 году. Об этом рассказал его земляк, вернувшийся в станицу. На Кубани всегда было неспокойно – казаки сопротивлялись коллективизации, – отец рано уехал из станицы и о семье не рассказывал, хотя потом, несколько раз мы всей на машине ездили на Кубань. Ведь и мать была кубанской казачкой. Её отец был атаманом в станице Мартанской. Она тоже уехала оттуда, училась в Одессе, кончила педагогический техникум. Там они с отцом и познакомились.

Отец был танкистом и служил в Белорусском военном округе, сначала в городе Борисове. Помню, он рассказывал, как водил танки под водой. Ещё он говорил, что однажды его вызвали в НКВД и предложили оговорить своего командира, но он отказался. Однако его не арестовали и отпустили. К 1936 году отца перевели на новый танкодром, расположенный недалеко от Минска в **Красном Урочище**, где мы с Ларой и родились. У нас была квартира, две или три комнаты. Из них одна — детская. Отец дома почти не бывал. Мать работала учительницей в школе и водила нас в детский сад.

Когда началась война, мне было 5 лет, а Ларисе всего 3 года.

Помню, я уже знал, что война. И вот, возвращаясь из детского сада, мы шли вдоль не высокой лесопосадки. Стояли и смотрели, как низко, задевая ветки деревьев, летит самолет с крестами на крыльях, а сзади летит второй, со звездами. Наш истребитель его догнал и как врезал фашисту в задницу. И тот задымился и рухнул. Здорово он его срезал! Так он его шарахнул — до сих пор сердце радуется.

На следующий день я пошел в детский сад один. Вдруг во дворе увидел мать. Спрашиваю её: «Ты что?». Она говорит: «Я боюсь, вы без меня уедете». Немцы уже входили. Приехали грузовики, и нам сказали: «Садитесь, срочно уезжаем отсюда». Отца не было — он был где-то в части. Никаких вещей брать не велели. Схватили кое-что из одежды, что под рукой было, даже документы не взяли. Поэтому мы оказались без метрик, и потом возраст нам определяли по волосам. Всех детей с матерями, погрузили в несколько грузовиков и повезли к эшелону. Вагоны — телятники с лавками. Набиты битком, так что сесть негде. Предыдущий эшелон фашисты бомбили и разнесли в клочья. Один раз и нас тоже бомбили, но нам повезло, пронесло. Я постелил над собой газету — прятался от бомб. Все смеялись. Отбегали от поезда метров на сто, ложились за кочки — пережидали.

Очень, очень долго добирались до Омска. Оттуда нас направили в деревни Спирановка и Андреевка, распределили по домам местных жителей. У меня от Сибири самое омерзительное впечатление. Это что-то! До чего же жадный народ. Чувство голода было постоянным. Весной собирали промёрзлую картошку — *«синенькие»*. Сидим голодные, на столе нет ничего, даже хлеба не помню, а в шкафу у хозяев — полно булок. Один раз мать взяла у них одну булку и дала нам с Ларкой. (Тут Борис заплакал).

Мать работала учительницей в местной школе. Ходили с ней на Обь — купаться. Однажды мать стояла — крепила крючки на стене, а я смотрел в окно. Вижу, к дому идет военный. Я говорю: «Мать, смотри!» Это отец приехал за нами. И поехали оттуда. Шел 1944 год, его отозвали с фронта работать в штабе.

Ф.И. Левин – танкист. Фото 1930–х

Борис с матерью в Болшеве. Фото 1947

Приехали в Москву. Ехали в метро, у нас было несколько чемоданов. Первое время жили в Люберцах. Там были кучи снарядов, и мальчишки бросали их в костер. Говорят, было много несчастных случаев, но сам я не видел.

Вскоре отцу дали жилье в Болшеве, недалеко от Мытищ, по дороге на Фрязино. В 1945 году родился брат Саша. Там я пошел в школу. До сих пор помню одну учительницу, по литературе. Такая хорошая. Но в основном моя жизнь проходила в компании ребят из нашего поселка. Они были старше меня. Отчаянные были. Однажды я прыгнул с крыши и попал на провода. Еле меня спасли. Потом уж я узнал, что многие из них – кто в тюрьму попал, кто умер по пьянке, а один даже кого-то убил. Может, и со мной так же было бы, но мы вскоре переехали оттуда в Москву, в новый район на Октябрьское поле.

ДОМ В БОЛШЕВЕ

Борис и Саша.

БОРИС ЛЕВИН. Баку. Каспийское море. Зима 1964

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Журнал «Летучая мышь» № 5, стр. 31 – 42, Март 1975

Здесь публикуется с сокращениями

И у меня была первая любовь. Давно когда-то. И много лет после того, как мы расстались, я вспоминал свою первую любовь, хотя она уже давно мне даже не снилась, хотя я не целовал её никогда и не писал ей писем, не говорил ей о своей любви...

У меня плохая память на даты. Из всей истории твёрдо запомнилась только одна – 216 год до новой эры. В этом году была битва при Каннах. Понятия не имею, кто и зачем там бился, но дату помню. Из своей биографии помню только день рождения 12 июля 1936 года и день, когда ушёл в армию, 26 сентября 1955 года.

Не могу вспомнить, когда мы встретились с ней в первый раз. По-моему, я учился тогда в 9-м классе, и было это весной. Я уже год жил в Москве. Наш район только строился. Четыре 3-х этажных дома из серого кирпича, в одном из которых жил я, а в другом — мой друг Мишка, были построены в числе самых первых на Октябрьском поле. И мы с Мишкой этим очень гордились. За год наш двор стал очень уютным и зеленым. В наших домах было много мальчишек и девочек примерно одного со мной возраста, и жили мы дружно и весело. До самого девятого класса бегали летом по улицам босиком, играли, ходили на Москву-реку купаться. Часто по вечерам Мишка выносил патефон и пластинки, и мы танцевали во дворе до тех пор, пока не приходила дворничиха и не грозилась позвать милицию. Дома наши были расположены прямоугольником, на одной стороне которого стоял старый деревянный двухэтажный дом. И в нём жила она. Только я не знал этого. И вот однажды Мишка сказал, что позовёт её, и мы будем танцевать. И она пришла. И я увидел её в первый раз, и полюбил, и узнал, что её зовут Светланой... С самого начала она относилась ко мне, как к ребенку. Но я любил её. Любил так, что никогда у меня не возникало желания сказать ей об этом. Это можно было только почувствовать. А она не чувствовала.

[Через год они перестали встречаться, а он продолжал её любить и мечтать о ней]

<... > После окончания школы я, к своему удивлению, сдал вступительные экзамены в Институт Стали, но по конкурсу, к счастью, не прошёл. К счастью — потому что это было совсем не для меня. Я и сдавал-то туда только потому, что туда поступал мой товарищ, с которым мы учились с первого класса в Большеве, потом вместе переехали на Октябрьское поле и здесь окончили школу. В школе я учился кое-как. Увлекался географией, астрономией, фантастикой, марками. Всеми этими увлечениями я был обязан Мишке, за что по сей день благодарен ему. Я обрадовался, когда узнал, что меня не приняли. И стал готовиться в Университет. Я решил поступать на Географический факультет. Это подходило мне гораздо больше. Ещё учась в школе, мы с Мишкой как-то раз были в Университете. Мне там понравилось, и я сказал себе, что буду учиться только здесь. Правда, готовился я плохо и очень удивился, когда отлично сдал вступительные экзамены. Только по математике получил тройку. Я был уверен, что пройду по конкурсу, но не прошел. На этот раз я очень расстроился. В приемной комиссии сказали, что ещё не поздно подать документы в институт «ЦВЕТМЕТЗОЛОТО», надо только сдать там еще какой-то экзамен. Но я хотел учиться только в Университете, и осенью меня забрали в армию.

СОЛДАТ.
На аэродроме в Азербайджане

БОРИС и его армейский друг.
около своей землянки

О СЛУЖБЕ В АРМИИ

«Последние два года службы я работал диспетчером посадки на военном аэродроме. Нас было трое, и жили мы в землянке рядом с КДП. Почти всё свободное время я сидел в землянке один и читал, либо пиликал на аккордеоне, который мне прислали из дома.

После того, как я расстался со Светланой, у меня не было девушек. Перед армией я пробовал ухаживать за некоторыми, но мне с ними было так не интересно, что скоро я оставил эти попытки. И в армии у меня не было девушек тоже, и я не искал их. Иногда я так хотел видеть её, так звал, что, если бы вдруг открылась дверь и она бы вошла в землянку, я бы не удивился, а только сказал бы: «Ну, наконец—то!»

На последнем году службы я начал писать стихи. Первый раз это случилось на дежурстве, когда меня совершенно поразило солнце, восходящее из-за гор. Стихи сложились сами собой, я написал их сразу, не исправляя ни одного слова. И мне вдруг страстно захотелось писать. Я очень этому удивился и обрадовался. В то утро я написал ещё несколько стихотворений и исписал несколько листов. На следующий день я всё уничтожил, оставив только стихи о восходе солнца. Перед самой демобилизацией я написал стихотворение, посвящённое ей. Оно кончалось оптимистически: мол, мы ещё встретимся, всё будет хорошо. Я не видел её больше трёх лет и часто думал, какой же она теперь стала, как мы встретимся».

О ПОСТУПЛЕНИИ В УНИВЕРСИТЕТ

Из армии я вернулся в июле 1958 года. Меня отпустили на два месяца раньше, чтобы я успел сдать вступительные экзамены в Университет. Я опять поступал **на Географический факультет, на кафедру океанологии**, и на этот раз поступил. Это был первый год, когда при поступлении давалось преимущество тем, кто пришел с производства или из армии.

Вскоре после экзаменов я встретил Светлану у ворот нашего двора. Она показалась мне чужой и незнакомой, была озабочена, куда-то спешила. После этой встречи я даже как-то успокоился. Всё проходит. Она теперь совсем другая, и никогда уже не будет такой, какой я любил её и помнил четыре года.

< ... > Последний раз я видел её осенью 1958 года. Я уже учился на первом курсе и целиком был поглощен университетом, влюбился в бойкую однокурсницу, и она у меня была первой после того, как я расстался со Светланой. У меня появились друзья. Это были ребята, которые так же, как и я, пришли в Университет из армии.

Читальный зал библиотеки географического факультета

Комната в общежитии

С Т И Х И – 1 9 5 8 – 1 9 6 3

* * *

С неба срываясь, падают вниз
Звёзды ночами поздними.
Искры костра уносятся ввысь
И становятся звёздами.

Пусть умирают и падают вниз
Звёзды, смертью сражённые.
Рвутся и тянутся в темную высь
Костры, на земле зажженные.

* * *

Осень! Ты мне как лекарство
От всяких несчастий и травм.
В твоё разноцветное царство
Вхожу я, как входят в храм.

Всегда ты, как сказка красива,
И жду я тебя не дождусь.
Спокойствие, веру и силу
Вливает в меня твоя грусть.

* * *

Золотая веточка березы
С красными прожилки огня.
Падают оранжевые слёзы
На скамью, асфальт и на меня.

* * *

Снег, до чего ж ты белый!
Чистый, мягкий пушистый.
И как умешь красиво
Везде, где упал, лежать.

Очень хочется в небо,
Чтоб там превратиться в чистый,
Белый, мягкий, пушистый снег
И на землю упасть.

* * *

Снежинки хотят,
Чтобы утром красиво и чисто
На улицах было
И в душах, и в мыслях людей.

Снежинки, снежинки!
Пушистые звездочки-искры
Танцуют в оранжевом свете
Ночных фонарей.

В своей повести Борис пишет:

С 1958 года я больше не видел её... Прошло шесть лет. Много повидал я и пережил за это время. Много было хорошего, ещё больше – плохого. Были экспедиции. Тундра. Бесконечная тундра. Такие восходы и закаты, что не веришь, что это на самом деле. Была Атлантика. Штормы, туманы, айсберги и чужие далёкие берега. Были полярные сияния, огромные во всё небо. Были хорошие песни и хорошие люди. Были друзья и подруги, девушки и женщины. Но было и другое. Были безнадёжность, отчаяние и боль. Были разочарования, много разочарований в друзьях, в девушках и женщинах. Были ложь, предательство и грязь. Была водка, много водки — целое море.

Пересказ: От школьных товарищей он узнал, что она работает в научной библиотеке на Кузнецком мосту, а Борис работал в Океанографическом институте около Крымской площади. Вскоре он должен был уехать на полтора месяца в экспедицию на Каспийское море. За несколько дней до отъезда он разыскал её в библиотеке, и они встретились. В воскресенье 23 февраля они поехали к её друзьям в Сокольники и весь день катались на лыжах. Вечером отмечали у них день Красной Армии, и он проводил её до дома. Один раз ходили в ресторан и танцевали. Потом настал день отъезда, и она провожала его на вокзал.

Эту Повесть Борис написал на Каспии. И вот её последние строки:

«Когда поезд тронулся, я быстро поцеловал её и вскочил на подножку.... Она просила написать ей. ...Я напишу ей завтра. Не знаю, что напишу ей, но это будет очень хорошее письмо, потому что мне так хорошо сейчас. Увидев её, я очень ясно вспомнил то время, когда я мечтал так, что качались звезды».

ПОСЛЕ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В МОСКВУ, ОНИ РАССТАЛИСЬ НАВСЕГДА

* * *

По временам пустынно мне и сухо,
Стучится в мозг озноб и пустота.
Все суета сует. Томленья духа...
И снова суета.

Томится дух. Я должен сделать что-то:
Нарисовать, построить, сочинить.
Не для того, чтоб удивить кого-то,
А просто, чтобы жить.

Внутри меня заложено такое –
Нельзя мне просто жить, ходить, смотреть.
Я сочиню, придумаю, построю,
Пока наступит смерть.

Поэтому–то мне и не сидится.
Я тороплюсь, и сходит пустота.
Но снова суета... И дух томится...
И снова суета.

1966

КОРАБЛИ

Уходит ветер на круги свои,
Идет на север, повернется к югу.
Из гаваней уходят корабли
И мачтами прощаются друг с другом.

Они идут, качаясь на волне,
И мачты их колышутся, как руки.
Они гудят, и так приятны мне
Тревожные и радостные звуки.

1966

МАЯК. Шотландские острова

* * *

**Над островами над Шотландскими, луна,
А под луной маяк.
Луна и море, и маяк, и острова –
Все это – просто так.**

Проходим мимо. И проходит жизнь моя.
Вот так же – просто так.
Мне очень хочется попасть на острова,
Где мечется маяк.

Но мы проходим мимо островов.
Луна. Печаль.
И впереди не видно маяков.
И очень жаль.

1967

ПУГАЕТ

Возвращался я из отпуска. Опаздывал на поезд. Если идти из дома по дороге, то до станции 12 километров – как ни беги, всё равно не успеваешь. А через лес по тропинке — восемь. Но через лес ночью никто не ходит. Ни бабы, ни мужики... Пугает там. А у меня выхода не было. Жена дала мне топор (пугает ведь), и я пошел.

Отошел немного – темнота, лес стоит стеной. У меня уши топориком, и я быстрой, быстрой. Побежал. Вдруг где-то сзади слышу колокольчик. Остановился – нет ничего. Я снова бежать. Опять колокольчик звенит в лесу где-то рядом. Я быстрой, а он – рядом, не отстает. Тогда я пустился пулей. А он всё рядом звенит.

Вылетел на большую дорогу. Смотрю – машина идёт. Остановился дух перевести. Снял рюкзак, бросил на землю, что-то звякнуло. Поднял его, потряс: дзинь-дзинь. Оказывается, застёжка на одном кармашке была растёгнута и звенела. Напряжение у меня спало, ноги подкосились, и упал я. До станции потом шёл еле-еле. И ещё на станции насиделся, ожидая поезда...

Я им потом написал, что никто не пугает. Это сами мы пугаемся.

Сценка из жизни

Милиционер привел в отделение двух пьяных. Говорит: «Климов, с обоих штраф по 100 рублей». Климов долго и старательно заполняет последний оставшийся у него бланк. Обращаясь к пьяницам, говорит: «Распишитесь». Один – с готовностью: «Это я могу, это я могу». Второй смотрит на него с удивлением. Первый ушло и старательно работает над бланком, наконец, разгибает спину, вытирает пот и удовлетворённо мотаёт головой. Готово!

Через весь бланк крупными печатными буквами вкривь и вкось выведено: «**Н Е З А К О Н Н О**». На несколько мгновений Климов теряет дар речи. Опомившись, первому говорит: «В камеру!» Второму — с отчаянием: «Уходи!»

ИЗ ВАХТЕННОГО ЖУРНАЛА: Объяснительные записки:

«Я шел вечером по улице, упал и разбил нос. Надо было приложить что-нибудь холодное. Вижу напротив кафе-мороженое. Я зашел, увидел коньяк три звездочки и ...напился».

«Ворвавшийся в иллюминатор ветер свернул ковёр в трубочку и выбросил за борт».

«Волна, ворвавшаяся в салон, подхватила чайный сервиз и выбросила за борт»

Приписка боцмана: «Пусть волна вернётся и поставит сервиз на место».

Примечание. Есть ещё один рассказ, но и он на ту же тему, поэтому я его здесь не привожу. Называется «СТРАШНОЕ ДЕЛО». Рассказывает боцман о том, как они «вышли под треску, зашли в Тюву-губу» – место, где промысловые суда получали сети и продукты. А к дрейфмейстеру («в работе – зверь») на берегу привязался большой чорт. Завел его к озери и чуть не утопил. «Так потом и помер от водки» – закончил боцман.

ОКРАИНА МОСКВЫ. Рисунок Натальи Ермаковой.
Обложка к журналу «Летучая мышь» в 1970-е
И к третьему тому моего ЛЕТОПИСЦА» в 2010

* * *

Всё куда-то спешу,
А спросить, так и сам не отвечу,
Для чего мне спешить
И куда торопиться? Зачем?
Было утро. Вот – день,
И уже надвигается вечер.
А потом будет ночь.
Будет долгая ночь... Насовсем.

То спешил подрасти,
То спешил научиться чему-то.
Торопился я верить,
Не верить – теперь тороплюсь.
Но ведь кончится день,
Как когда-то окончилось утро.
И всего не успеть,
Что хотелось бы сделать, боюсь.

Я метаться устал.
Мне б покоя, хоть самую малость,
Но кончается день –
Не успеть, если даже в разнос.
Да... Кончается день,
И кто знает, как много осталось
До того, как засветятся
Первые искорки звезд.

1968

РАДУГА

Небо дождями развесилось,
Зловонием луж разлилось.
Радуга в небе повесилась -
Что это ей не жилось?

Что ж не жилось тебе, радуга,
Радуга, чудо-дуга?
Лужи с ползучими гадами
Скоро поглотит земля.

Снова солнышко выкатит,
Теплое что-то сказать,
А у тебя на выкате
Твои цветные глаза.

Висишь ты, как осуждение,
Распятая в небесах,
И вижу я нетерпение
В застывших твоих глазах.

А если я рано радуюсь,
Если не скоро в бой,
Тогда подвинься-ка, радуга,
Повешусь рядом с тобой.

ЖЕЛАНИЯ

Меня изжелали желания,
Меня исхотели хотения:
То очень хочется в Данию,
То просто хочу нототению.
Но где она, эта Дания?
А может, её и нет...
Но есть свобода желаний, и
Желаю я – и привет.

И, если еще с нототенией,
Возможно, не все потеряно,
Другое мое хотение
Доводит до неврастении.
Ну, что это за наказание!
Уж слишком много свобод,
И эта свобода желаний
Меня в могилу сведет.

Я выступлю на собрании,
Я обращусь в печать –
Пускай отменят желания, и –
Я перестану желать.
Плевать мне тогда на Данию,
А также на нототению, –
Не будет свободы желаний,
А также свободы хотений.

ЗАБОРЫ

Мы с детства привыкли к заборам
И просто не можем без них.
Запреты, законы, затворы
От всех — от своих и чужих.

Но мало их всё-таки, мало
И надо ещё городить,
Чтоб людям не как попало,
А вдоль заборов ходить.

И будет всё очень здорово
И ясно, как шоколад:
Вперёд! В лабиринт заборов!
Вперёд — и ни шагу назад.

Вперёд — и ни шагу в сторону,
И за забор не сметь!
В конце пути подзаборная
Нас ожидает смерть.

И даже, когда под грядочку
Засунут на вечный покой,
Вокруг возведут оградочку,
Уютный заборчик такой.

1972

ОНИ И МЫ

(ироническое)

Совсем доканали масоны —
Сумели пролезть даже в сон.
И снится мне, что *Накасоне**]
И тот беспробудный масон.
Ещё при царе *Соломоне*
Они получили приказ.
Товарищи эти, масоны,
Веками масонили нас.
Они открывают кингстоны,
И кажется — кончился мир.
И весь телевизор — масоны,
И дьявол у них командир.

Историю знаем мы плохо.
Скажите, что есть «тамплиер»?
Красивый *Филипп* их ухлопал —
Возник *Мирабо*, *Робеспьер* ...
Возникли *Вольтеры*, *Мараты*,
Эсеры и кто-то ещё.
Масоны, естественно, рады —
Кричат: «Горячо! Горячо!»
Но рано они торжествуют —
Мы были, и будем, и есть:
От пакостей их нас страхуют
Достоинство, совесть и честь.

Их деньги, кинжалы и яды
Нам не были сроду страшны;
И нас не прельщают награды,
И не увлекают чины.
Они нас косою косили
И жгли на кострах, как дрова,
Но головы мы возносили,
Как стебли возносит трава.

Накасоне*[премьер-министр Японии в тот год

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

И С Т О К И

Прочь текут года чредою. Стали взрослые наши дети.
Жить осталось меньше вдвое, чем мы прожили на свете
И поскольку впереди нам ожидать особо неча,
Пусть из прошлого картинам посвятится наша встреча.

Есть поэмы, есть рассказы о периоде «застоя»,
О периоде «отказа», о периоде «застолья».
Были группы и прослойки – нынче их рисует пресса,
Как «прорабов перестройки» и носителей прогресса.

Мы на них не походили: те вперёд неслись, как птицы,
Мы ж, напротив, находили, что полезней воротиться.
Без порока, без излома, бескорыстно, нетщеславно
Сказку мы творили дома. Было братство. Было славно.

Сей феномен интересен, так заглянем же в истоки,
Вспомним звуки давних песен, дуновения, намёки,
Струйки зыбкого влиянья, паутинку тонких нитей –
И из них образование первых мыслей и наитий.

... На мансарде у *Чижовых*, благородного семейства,
Мы играли в сценках новых про старинные злодейства.
*«Европейские газеты, освещают наш процесс,
И узнают все на свете, как здесь мучают принцесс».*

Незабвенная картина: в артистическом угаре
Хор под слоем гуталина, примадонна в пеньюаре...
И сложилось так сначала: действие шло и возле сцены.
Ведь и зрители играли, ведь играли даже стены.

Вот истоки тех традиций, блеск ума, игра, жеманство,
Без обид и без амбиций, но с известной долей пьянства.
Каждый каждым уважался, каждый полон был приязни.
Кто застенчив – не стеснялся, кто робел – терял боязни.

Так родилось в вечер чудный восхитительное братство –
В этой жизни многотрудной наше главное богатство.
И прослушав эти строки, в содержание их вникнем.
«Наши бабушки и деды – вот истоки!» – мы воскликнем!

1988

НА РЕПЕТИЦИИ «ЦИННОБЕРА»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Когда обнаживши классический торс
Кричишь ты на всю страну:
*«Подайте мне имайсер, ведь я матрос,
Матрос Железняк и – тону!»*

*«Я – ЯК–истребитель, но я смущён,
Смущён и рассыпан в прах!»* –
Слушатель в этот момент оглушен,
Слушатель, Боря, зачах.

Чуть ли не палкой на сцену тебя,
Чуть не в слезах режиссер!
Но кончится пьеса, поймём, любя, –
Это – великий актёр!!!

Себя исказним за недобрую речь,
Себя обплюём за брань.
Когда мы отвыкнем считать цыплят
До осени, в раннюю рань?!

Евгений Чернявский. 1975

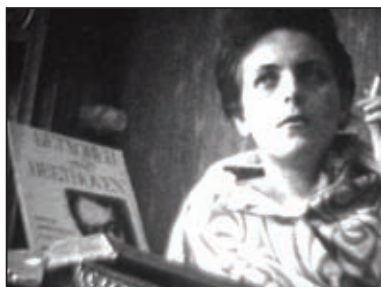
КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМА «ТРОЯНСКАЯ ЛОШАДЬ»
По роману В. Кочетова «ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ?». 1970

Б. ЛЕВИН в роли сотрудника британской разведки дает инструкции Клаубергу и Сабурову

Б. ЛЕВИН в роли начальника главка Самарина
Его сын Феликс, инженер на заводе, пришел поговорить и задает отцу вопросы.

Б. ЛЕВИН в роли писателя Булатова (прототип – сам В. Кочетов)
Знакомство Ии с писателем Булатовым. Ия размышляет над его словами.

Булатов объясняет художнику **Свешникову** (Г.Ниц) истинные цели агентов влияния Запада.
Появляется **Порция Браун**. Булатов обвиняет её в клевете на него и дает ей под зад.

Греческая трагедия «КОЛОБОК»

Юноша КОЛОБОК (А.Н. Фурсов)

ЗАЯЦ — стучач (В.С. Фрейдлин)

ВОЛК чекист (Б.Ф. Левин)

КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМА «ЦИННОБЕР»
По мотивам сказки А.Гюфмана «Крошка Цахес». Весна 1975

Служанки. Играют: Ида Левина и Вера Бедрицкая

Референдарий Пульхер (Борис Левин)
и студент Балтазар (Владимир Чижов)

Фея Розеншён (Мария Ниц) и волшебник
Альпанус (Е. Чернявский).
Он показывает Фее гомункулуса в банке.

Волшебник Альпанус объясняет
референдарию Пульхеру и студенту
Балтасару, как разоблачить чары Циннобера

Светский человек (Борис Левин) объявляет
дочь Терпентина, Кандиду, и студента
Балтазара — невестой и женихом.

Светский человек (Борис Левин)

Любимые песни Б. Левина

Матрос–партизан Железняк

Музыка: М. Блантер. Слова: М. Голодный

В степи под Херсоном — Высокие травы,
В степи под Херсоном — курган.
Лежит под курганом, Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк, партизан.

Он шёл на Одессу, А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд. Налево — застава,
Махновцы — направо, И десять осталось гранат.
«Ребята, — сказал, Обращаясь к отряду,
Матрос-партизан Железняк, — Херсон перед нами,
Пробьёмся штыками, И десять гранат — не пустяк!»
Сказали ребята: «Пробьёмся штыками,
И десять гранат — не пустяк!»
Штыком и гранатой Пробились ребята...
Остался в степи Железняк.

Весёлые песни Поёт Украина,
Счастливая юность цветёт. Подсолнух высокий,
И в небе далёкий Над степью кружит самолёт.

В степи под Херсоном — Высокие травы.
В степи под Херсоном — курган.
Лежит под курганом, Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк, партизан.

Владимир Высоцкий

ОХОТА НА ВОЛКОВ

Рвусь из сил, из всех сухожилий Но сегодня не так, как вчера
Обложили меня, обложили, Гонят весело на номера!
Из за елей хлопочут двустволки — Там охотники прячутся в тень
На снегу кувьркаются волки, Превратившись в живую мишень.
Идёт охота на волков. Идёт охота!
На серых хищников — матёрых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с водками Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками, Бьют уверенно, наверняка.
Волк не может нарушить традиций. Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу И всосали — «Нельзя за флажки».

И вот — охота на волков. Идёт охота!
На серых хищников — матёрых и щенков
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры Почему же — вожак, дай ответ —
Мы затравленно мчимся на выстрел И не пробуем через запрет?
Волк не может, не должен иначе Вот кончается время моё
Тот, которому я предназначен, Уже поднял ружьё.

Идёт охота на волков. Идёт охота!
На серых хищников — матёрых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел За флажки — жажда жизни сильнее!
Только сзади я радостно слышал Удивлённые крики людей.
Рвусь из сил и из всех сухожилий, Но сегодня — не так, как вчера!
Обложили меня! Обложили! Но остались ни с чем егеря!

Идёт охота на волков. Идёт охота!
На серых хищников — матёрых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков

Владимир Высоцкий
КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю-погоняю!
Что-то воздуху мне мало: ветер пью, туман глотаю...
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые...
И дожить не успел, мне допеть не успеть.
Я коней напою, Я куплет допою, -
Хоть мгновенье еще постою на краю...
Сгину я - меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, -
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые...
И дожить не успел, мне допеть не успеть.
Я коней напою, Я куплет допою, -
Хоть мгновенье еще постою на краю...
Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий.
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые...
И дожить не успел, мне допеть не успеть.
Я коней напою, Я куплет допою, -
Хоть мгновенье еще постою на краю

БОРИС – ДИЗАЙНЕР, РЕДАКТОР И КОРРЕКТОР

СПИСОК РАБОТ НА КОМПЬЮТЕРЕ

(совместно с Н.М. Михайловой)

1995 – 2005

КАРТЫ И ТАБЛИЦЫ К УЧЕБНЫМ ПОСОБИЯМ:

- «КРАЕВЕДЕНИЕ»
- «РОДИНОВЕДЕНИЕ»
- «МОСКВОВЕДЕНИЕ»
- «БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ»
- «ГЕОГРАФИЯ СВЯТЫХ МЕСТ»
- Путеводитель «НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ»

КАРТЫ и ТАБЛИЦЫ к книге «РОЗЫСК О РАСКОЛАХ»

РЕДАКЦИЯ книги «Письма старца Амвросия»

КОНСПЕКТ БИБЛИИ

КАРТЫ к книге «СЛАВЯНСКАЯ ТОПОНИМИКА»